

музея страны XX века иранская коллекция выступала скорее как свидетель дипломатических и торговых контактов, нежели как собрание памятников искусства. Она и исторически сложилась как результат поисков и установления дипломатических отношений между двумя странами. В такой целостности художественная уникальность вещей лишь подчеркивается и высвечивается своими новыми гранями.

М.Г. КРАМАРОВСКИЙ

ЗОЛОТАЯ ОРДА В РОССИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И НАУКЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

(послесловие к выставке «Сокровища Золотой Орды».
Казань-С.-Петербург, 2001–2002 гг.)

С 30 августа 2000 г. по 14 января 2001 г. в Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан (Казань) и с 1 февраля 2001 г. по 15 февраля 2002 г. в Эрмитаже проходила выставка «Сокровища Золотой Орды», организованная Государственным Эрмитажем при участии Государственного Исторического Музея (Москва) при поддержке Аппарата Президента Республики Татарстан и Казанского Совета народных депутатов. Выставка проводилась под патронатом Президента РТ М.Ш. Шаймиева.

Это была первая выставка, посвященная художественной жизни Золотой Орды. В экспозицию вошли более тысячи предметов из золота и серебра, созданные мастерами самого западного из чингисидских государств, образованных после распада «Великого монгольского государства». На выставке было представлено четыре крупных комплекса вещей, отражающие четыре основные темы¹. Группа памятников преимущественно 2-й пол. XIII в. (среди них «Чингисов камень», великоханские пайцзы, воинские пояса) обозначила тесную связь традиций «Великого монгольского государства», сложившегося при жизни его основателя Чингисхана (1155–1227), с ранним этапом становления культуры Джучидского улуса. Оригинальные золотоордынские черты с наибольшей полнотой нашли выражение в группе чаш из серебра, сконцентрированной вокруг Ивдельской находки (Ивдель – поселок в Свердловской области). Этот комплекс памятников отражает особенности художественного металла среднеордынского периода (конец XIII – первые две трети XIV веков). Художественное серебро позднеордынского периода (середина – последняя треть XIV – первая половина XV века) представлено

находками из могильников Северного Кавказа и вешевых кладов Поволжья, Приазовья и Крыма. В этой многочисленной группе сосудов и украшений особенный интерес вызывают материалы Симферопольского клада (ГИМ). Памятники Симферопольского клада свидетельствуют о разнообразии контактов зрелой Золотой Орды на пространстве от Китая и Северной Индии до Ирана, Малой Азии и Йемена, а также с народами исламского и христианского Леванта и торговыми республиками Северной Италии – Венецией и Генуей.

Отдельной темой на выставке представлено искусство тончайшей филиграни, чей новый стиль с середины XIII в. утвердился в кочевых ставках Золотой Орды. Благодаря торговым связям столичных Сараев, через Крым (к морскую ветвь возрожденного «Шелкового пути») спиральная филигрань, стремительно вошедшая в «мировую» моду, в XIV в. стала достоянием ювелирных центров мамлюкской Сирии и Египта. После крушения Золотой Орды в результате походов Тимура этот стиль спиральной филиграни «завоевал» и Москву (с 20-х годов XV в.). Материалы выставки дают яркое представление о вкладе тюркских, монгольских и других народов средневековой степной и лесостепной Евразии, Северного Кавказа и Крыма в общую сокровищницу мировой художественной культуры.

К открытию выставки на трех языках – татарском, русском и английском – был издан иллюстрированный каталог «Сокровища Золотой Орды» (концепция выставки, составление и научная редакция аннотаций – М.Г. Крамаровского под общей редакцией М.Б. Пиотровского).

Выставку в Казани и Эрмитаже посетило более четырехсот тысяч человек. В основе эрмитажной коллекции материалов Золотой Орды лежат «археологические» находки времени Петра I (1672–1725) вывезенные в Петербург из Сибири. Их находчиками стали русские крестьяне-бугровщики, сделавшие своим ремеслом ограбление древних курганов. Привезенные из Сибири вещи были собраны в Кунсткамере, куда в 1716 г. губернатор края князь М.П. Гагарин прислал первые коллекции, состоящие преимущественно из золотых предметов. Вероятно, к этому поступлению относится и золотой ковш с тюркской надписью из нашей коллекции². Рисунок с изображением этого ковша вошел в альбом экспонатов Кунсткамеры. В одном из документов 1726 г. вместе с находками монет, упомянуты золотые предметы из филиграни и сосуды, найденные кладоискателями на Селитренном городище, что омывается Ахтубой, одним из притоков нижней Волги. Спустя столетие археологами на этом месте была обнаружена первая золотоордынская столица – город Сарай («сарай», по-тюркски – дворец).

Кажется существенным, что как раз в те же годы, когда в русском общественном сознании возникла потребность в создании «татарской коллекции», Георгом Фридрихом Генделем (1685–1759) была написана опера «Тамерлан». Она создана в июле 1724 г. на либретто известного итальянского автора – Никколо Франческо Хайма. Уже в последний день октября того же года премьера оперы прошла в Королевском театре Лондона. Отметим, что Тимур (1336–1405) не был ни потомком Чингис-хана, как полагал либреттист, ни ханом Золотой Орды. Правда же в том, что *эмир* Тимур, сын Тарагая, по происхождению связан с оттореченным монгольским родом *барлас*, владевшим долиной Кашкадарьи и городами Кеш и Несеф; его старшую жену звали Сарай-Мульк-ханум и она была дочерью последнего чингисида из рода Чагатаидов хана Казана. Железный Хромец, таким образом, вошел в чингисидский клан лишь на правах зятя. В 1402 г. под Анкарой он разгромил войска османского султана Баязида I Йылдырыма (правил 1389–1402 гг., ум. в 1403; Йылдырым – Молния), взяв в плен султана и двух его сыновей. Но в опере Генделя Тимур (Тамерлан) выступает только как главный герой любовного треугольника (Тамерлан – принцесса Трапезунда Ирина – дочь плененного Баязида Эстерия). Авторское отношение композитора к герою оперы как личности *экзотической* выразилось в том, что *партия альты* (Тамерлана) предназначалась для необычного вокалиста, и во времена Генделя была по силам только знаменитому кастрату Андреа Пачини. И в наше время в исполнении партии Тамерлана предпочтение отдается контртенору.

Заметим, что и в научных, и в культурных кругах формирование интереса к монголам в Европе шло параллельно с Россией. В науке приоритеты определились лишь к первой трети следующего века. Изучение Золотой Орды в России было положено двумя конкурсными программами Императорской Академии наук (1826 и 1832 гг.). Автором последней стал знаменитый нумизмат и основатель мюнцкабинета Эрмитажа акад. Х.М. Френ (1782–1851). Фундамент эрмитажной археологической коллекции заложен А.В. Терешенко (1806–1865), первым отечественным археологом, начавшим в 1843–46 гг. исследование остатков золотоордынского городища близ г. Царева на средней Волге. Позже изучение золотоордынских памятников выделилось в отдельное направление российской и советской археологии.

Уже с первой трети XIX в. одним из принципиальных положений академической науки стало рассмотрение истории Золотой Орды как части истории России и, следовательно, как части ее общеисторического наследия³. В развитии этой изрядно мифологизированной концепции

можно выделить три основных этапа – имперский до 1917 г., советский до начала 1990-х гг., и постсоветский. «Как ужас и бич России» определял акад. Френ чингисидское господство в европейской зоне степей. Эта мысль красной нитью пронизала всю российскую историографию. В советский период парадигма «ужаса и бича» была перелицована в формулу «золотоордынского ига», предложенную еще Н.М. Карамзиным. Определение «ига» как формы военно-политического господства со «страдательным» оттенком не имеет аналогов в мировой практике. Злободневен вопрос о золотоордынском наследии и в современной России. После 1991 г., с установлением концепции новых федеративных отношений, акценты в оценке значения Улуса Джучи для отечественной истории оказались смещены.

Основным претендентом на роль исторического преемника культурной традиции выступил Татарстан, один из субъектов Российской Федерации⁴. Напряженная острота этой заявки определилась политическим содержанием создающихся заново принципов российского федерализма. Само понимание устройства нового федерализма емко отражено в ключевой фразе государственного советника при президенте Республики Татарстан, высказанной им в одном из интервью: «...Мы “с” Россией, но мы не “в” составе России»⁵. Политические приоритеты новых интеллектуальных элит вызвали к жизни новые концептуальные подходы к осмыслению истории и культуры Золотой Орды. Этнорадикалы, акцентируя в культурной сокровищнице Джучидов тюркскую составляющую, обращаются при этом к «тюркским корням» самого Чингисхана, хотя настоящим наследником золотоордынской культуры считают татар Поволжья. В свою очередь, радикалы-государственники наследницей культуры Золотой Орды предлагают видеть *всю* новую Россию⁶.

Изучение истории средневековой культуры народов Великой степи, живших на пространствах Евразии от бассейна монгольского Трехречья на востоке до Дуная на западе, немыслимо вне тесной связи с историей их соседей – народов Северного Китая, Алтая, Южной Сибири, Средней Азии, Ирана, Византии, Руси и Балкан. Тем более разработка проблем контактов с Востоком и Западом важна для истории культуры населения Золотой Орды, где *не сложилось единого народа*. Определяющей тенденцией для улуса Джучи оказалось тяготение к объединительным процессам, часто насильственным. Поэтому прорастание друг в друга тюрко-монгольской, кыпчакской, болгарской, алано-иранской, славянской, греко-византийской, латинской и многих других этнокультурных традиций делает разработку проблемы контактов необходимым условием полноценного исследования истории самой Золотой Орды прак-

тически в любых ее аспектах. Характерно, что объединительные процессы шли внутри разных этнических групп одновременно в нескольких форматах: консолидации, ассимиляции, интеграции. В процессах консолидации участвовали родственные по языку и культуре народности преимущественно тюрко-монгольской группы. В ассимилятивных процессах доминирующая роль принадлежала кыпчакам европейской зоны степей. Интеграция различных по своим языковым и культурным признакам этносов привела к появлению в Дешт-и Кыпчак (так в XI в. впервые назвал земли от Алтая до Итиля персидский путешественник и поэт Насири Хосров ал-Марвази) новой этнополитической общности. Мы теперь называем её *золотоордынской*. К нашему времени с культурным наследием Золотой Орды единством исторических судеб связано свыше 40 миллионов человек только тюркского населения России и ее ближайших соседей и партнеров на Украине, в Крыму, Казахстане, Азербайджане, Узбекистане, Киргизии и Туркменистане. Между тем, возрастающий интерес к культурной истории Дешт-и Кыпчак XIII–XV вв. объясняется не только этим. Не умаляя значения этнополитических ценностей в формировании взглядов на последствия тюрко-монгольской экспансии в Европу, автор убежден, что как цивилизационное явление Золотая Орда обладает собственной историко-аксеологической шкалой. Следовательно, изучение истории и культуры Золотой Орды *представляет, прежде всего, самостоятельный и общегуманитарный интерес.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сокровища Золотой Орды. СПб., 2000. С. 132–201; англ. резюме: С. 202–207.

² Там же. Кат. № 12.

³ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. С. 555.

⁴ Сокровища Золотой Орды. С. 26–46; англ. резюме: С. 47–53.

⁵ Овруцкий Л. Разговоры с Хакимовым. Казань, 2000. С. 40.

⁶ Российские вести. 2001. 28 ноября. С. 13.